

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Макс и Молли, куда бы они ни шли, обычно шагали рядом, но не в ногу — левой! левой! — а наоборот, как водится у близнецов: левой и правой! правой и левой! Сегодня они шагали быстрее обычного, то и дело поглядывая на клубящиеся тучи. Потом свернули с дороги и торопливо направились вверх по длинному склону к дому бабушки, надеясь обогнать дождь.

— Не успеем! — объявила Молли, протягивая ладошку. — Уже капает.

— Успеем! Мы же совсем дошли, — заспорил Макс, указывая на одинокий старый дом на вершине холма. Острые коньки крыши упирались в свинцово-серое небо. Холодный ветер налетал порывами, подхватывал опавшие листья и закручивал крохотные смерчи, будто радуясь окончанию осени. День был пасмурный и тоскли-

вый, на сером фоне выделялись лишь два светлых веселых пятна: в старом двухэтажном доме гостеприимно и тепло светилось окно кухни, а снаружи симпатичный кот, оранжевый, как апельсиновый мармелад, лениво прогуливался и ждал, не мелькнет ли в бурьяне какая-нибудь зверушка.

Макс глубже засунул руки в карманы желтого дождевика и внимательно всмотрелся в небо.

— Типичная ноябрьская гроза, — объявил он. — Тучи идут с востока, осенью это дурной признак. Холодный воздушный фронт сталкивается с теплым...

— Честное слово, Макс! Ну чего ты объясняешь? Сказал бы человеческим языком, что будет дождь.

Молли (тоже одетая в желтый дождевик) вздохнула и пнула ногой кучку сухих листьев.

— Всегда важно знать, как, что и почему происходит. Иначе ведь не угадаешь, что будет дальше.

— Можно просто посмотреть! — Молли ткнула пальцем в небо. — Сразу же видно: зарядит дождь и мы всю субботу просидим в четырех стенах. И никакие твои объяснения ничегошеньки не изменят!

— Я и не собираюсь ничего менять. Это по твоей части. Попроси свою фею-крестную, чтобы засияло солнце.

— Опять ты за свое? — Молли засмеялась.

Это была их собственная, особая, близнячья игра: обо всем спорить и не сдаваться, и чтобы победителей в споре не было.

— Бегом! — скомандовал Макс. — Наперегонки с дождем. А уж тебя я наверняка обгоню!

— Давай!

И они помчались вверх по склону, как две желтые молнии.

Услышав человеческие голоса, Бакстер, апельсиновый кот, сел, наострил уши и принялся умываться. Тут ему на нос шлепнулась огромная дождевая капля. Он сразу забыл про охоту и устремился к крыльцу убегавшей рысью кота, твердо решившего остаться сухим. Увы! Небо распорол молния, и хлынул ливень. Бакстер взмыл на ближайший подоконник, распушил шерсть и сел, сердито косясь на капли, сыплющиеся с карниза ему на хвост. Но разобрав, что это за желтые фигуры приближаются к дому, мяукнул и спрыгнул на землю для последнего отчаянного рывка: он привык встречать близнецов на крыльце.

— Ну, что? Обогнал тебя? — пропыхтел Макс.

— Зато я была права: до дождя не успели! — Молли замахала руками, устроив мокрому коту дополнительный душ.

— Бабушка, это мы! — крикнул Макс и наклонился погладить Бакстера. — Бедняга, с него прямо льет!

Бакстер встряхнулся изо всех сил, первым шмыгнул в открывшуюся дверь и кинулся к своей подушке, чтобы хорошенько вылизать слипшуюся шерсть.

— Повесьте свои дождевики, пусть вода стечет, — распорядилась бабушка. — И садимся обедать.

Молли потянула носом теплый воздух.

— А в духовке что, сладкий пирог? Можно попробовать?

— Не сейчас, Молли. Не надо портить аппетит перед обедом!

— Ну пожа-а-алуйста...

— Ей дай волю, она питалась бы одним шоколадом, — заметил Макс.

— А ты одной газировкой! — парировала сестра.

— Если бы не я, вы питались бы только микробами, — вмешалась бабушка. — Посмотрите-ка на свои руки! — И она отправила детей умываться.

Молли обиженно ворчала себе под нос: а еще говорят, будто бабушки балуют внуков! Макс же поспешил сообщить, что мыло и вода смывают с ладоней всего семьдесят процентов микробов, даже меньше. Когда они вернулись в кухню, где их уже ждали салат и суп, Бакстер лизался как бешеный — вылизывал свой мех то тут, то там, потом снова тут в тщетной попытке привести его в порядок весь разом. Наконец, удовлетворившись достигнутым результатом, он вспрыгнул на пустой стул и с надеждой заглянул им в тарелки.

— Нас чуть не смыло, пока мы лезли на холм, — сказал Макс, орудуя ложкой.

— Дождь прямо в рот хлестал, — добавила Молли.

Макс поглядел на бабушку, худенькую и совсем седую.

— А тебе тут никогда не бывает страшно?

Бабушка покачала головой.

— Нет. Я и маленькой никогда не боялась. Ветер завывает в трубе, стучит ставнями, а мне все равно уютно и спокойно. Мы с этим домом давние друзья!

Молли оторвалась от тарелки.

— Поэтому ты и не хочешь переезжать в город, как все советуют? — Она знала, что многие считают их бабушку чудачкой, под стать старому дому.

— И вы тоже хотите, чтобы я переехала? — спросила бабушка.

— Мы-то нет! — вмешался Макс. — То есть если ты сама не хочешь. Мы очень любим ходить к тебе в гости. Я просто подумал, а вдруг тебе бывает тут жутковато. Ведь ты совсем одна!

В бабушкиных глазах замерцали веселые искорки.

— Ну почему одна?

Молли широко раскрыла глаза.

— А тут что, водятся привидения?

— Не говори глупостей! Никаких привидений нет, — назидательно заявил Макс. — Все так называемые сверхъестественные явления представляют собой плод нашего воображения. — Тем не менее он покосился на бабушку с беспокойством.

Она засмеялась.

— У меня же есть Бакстер!

Над краем стола возникли острые апельсиновые уши, и белая лапа потянулась к хлебной корочке — Молли только что положила ее возле своей тарелки. Молли тоже засмеялась и погладила Бакстера, который уже завладел корочкой.

— Да, это сторож так сторож!

После обеда Молли начала мыть тарелки, а Макс их вытирал. Две вилки он забраковал и снова бросил в мыльную воду, не преминув сообщить, сколько микроорганизмов способно уместиться на острие одного зубца. Молли вручила ему последнюю вилку и возвела глаза к потолку:

— Вообще-то мыть посуду была твоя очередь! Я же в тот раз мыла! А теперь что будем делать?

— Может, почитаем?

— Да ну...

— Ты бы, конечно, села за пианино упражняться, только, боюсь, у нас с бабушкой уши завянут.

— Очень остроумно. А знаешь что? Полезли на чердак! Вдруг тебе домового изловлю?

— Ага, изловила, как же! — Макс глянул в потемневшее окно. За исчерченным каплями стеклом вспыхнула молния. Гром загрохотал прямо у них над головами и словно покатился вниз с холма. Ветер трепал последние листья на почти оголившихся ветках. Макс обернулся с широкой улыбкой: — Ладно, полезли. Самая погодка для нечистой силы. Мне, пожалуйста, что-нибудь скользкое и жуткое, лучше безголовое.

Чердак был бабушкиным архивом, где хранились всякие вещи: ее самая первая кукла, чьи-то коньки, флаг еще с сорока восемью звездами — по тогдашнему числу штатов, кресло с продавленным сиденьем, сломанная тросточка, мягкая-перемятая шляпа... Все они что-то значили для бабушки, и в сентиментальном настроении она рассказывала всякие интересные истории про их давно умерших владельцев. Дом принадлежал семье второй век, и в потаенных